

В. ЕРОФЕЕВ***За мимолетную страсть против брака (2017)**

Надо признать, что молодой дворянин Владимир Ульянов был вполне живым и динамичным мыслителем своего времени. Начиная он как молодой романтик. Если символисты взрывали традиционную мораль во имя метафизической революции, то Ленин уничтожал государственную инфраструктуру во имя социальной. Посыл был схожим. «Надо мечтать!» — утверждал Ленин в своей работе «Что делать?». И в своих мечтах он был по-своему символом, разделившим мир на непримиримые лагеря добра и зла, взяв за основу не французскую поэзию, а Парижскую коммуну, не христианского Бога, а Карла Маркса. Кстати, несмотря на свой материализм, Ленин верил в объективную истину, чем примирил в конце концов с марксизмом и Брюсова, и Андрея Белого.

По сравнению с другими, более умеренными революционерами, меньшевиками и прочими полулиберальными оппортунистами Ленин достиг именно символистской чистоты восприятия действительности, выварился (если вспомнить слова Мандельштама) в своей же собственной чистке и приобрел уникальную революционную харизму уже в возрасте 25 лет. Этим «волжанином» многие увлекались, за ним шли, ему подражали. В нем не было ущербности плебея, рвущегося к власти. Он уже был полон интеллектуальной власти, которая извергалась из него фонтанами: грубостью, дерзостью, кровавыми фантазиями в основном риторического содержания. Он был безусловным продолжением русской литературы на новом, скособоченном этапе. Ему не хватало лишь героини, и она по законам жанра не могла не появиться.

Ленин стал революционером-любовником в 1909 году в Париже, когда влюбился во французскую красавицу Инессу Арманд. И тут, конечно, началась полная ерунда. Нет, он никогда не был примерным семьянином, как атеист, не верил в святость брака, использовал его по революционному назначению. Когда, задолго до встречи с Арманд, он предложил Крупской быть его женой, та, безусловно польщенная, сказала холодно: «Жена так жена». Знала Минога (партийная кличка и объективная оценка красоты

---

* *Виктор Владимирович Ерофеев* (р. 1947) — российский писатель, литературовед. Участник литературы андеграунда 1970-х. В 1979 г. за организацию в самиздате неподцензурного альманаха «Метрополь» был исключён из Союза писателей СССР.

Крупской), что Ленин относится к браку скептически. Но без женьитьбы он бы не мог выписать ее в Шушенское, куда она поехала вместе с религиозной матерью и по дороге, как говорят, отморозила яичники и никогда не смогла родить. По требованию сибирской полиции она с Лениным венчалась на радость матери, и это только усилило их семейную иронию по отношению к традиционному браку. Но Ленин все-таки видел своей возлюбленной Революцию, а не Крупскую, и ей пришлось смириться с второстепенной ролью помощницы.

Однако в 1909 году у Ленина треснули все устои. Инесса Арманд с густыми волосами, пахнущая духами, подмышками, пахом, в шляпе с красными перьями была сама по себе Революцией. И если та, русская, социальная мечта под названием Революция, гнила где-то в далекой России, то здесь, в Париже, Инесса подменила собой мечту. И подменила настолько удачно, что, к ужасу подпевалы-Крупской, могла даже побеждать в спорах с самим Лениным.

Они стали жить втроем. Как Мережковский с Гиппиус и Философовым, как чуть позже Маяковский и многие другие... Это было время разрешенных адюльтеров, бурных романов на стороне, когда все спали со всеми, обещали не ревновать, но стрелялись из ревности и стреляли от собственного бессилия.

В такой сексуальной среде Серебряного века Ленин выделился как революционер-любовник, то есть тот, кто изменил одной Революции и адюльтерил с другой, у которой было свое представление о свободной женской любви, о пошлости поцелуев без эрекции, о торжестве мимолетной страсти над угрюмым браком. Арманд не только была практиком, но и теоретиком женской свободы. Она вообще была как глоток шампанского: вечный праздник и брызги энергии. Поначалу она боялась Ленина, который был действительно крутым революционером, опасной бритвой, но они быстро поняли, что оба крутые и никто им не пара.

Их праздник продолжался в Польше, где они, как и в Лонжюмо под Парижем, снова жили втроем. Но почему-то Крупская все больше болела, и глаза у нее вылезали из орбит от ужаса не только базедовой болезни. Однажды Ленин, который не был либералом ни в политике, ни в жизни, отправил Арманд с партийным заданием в Петербург, практически на верный арест. Так и случилось. Ее выкупил за большие деньги первый муж, и Арманд снова вернулась в Европу. К Ленину.

Ленин спорил с ней по поводу свободной женской любви не только по принципиальным соображениям, но, по-моему, из-за ревности тоже. Я не знаю, какой у них был секс, но Арманд

писала, что у нее в жизни только со вторым мужем было единство сердечной дружбы и страсти. Ленин тут явно проходил по списку сердечной дружбы, и, видимо, это его глубоко задевало. Молодых кандидатов в любовники у красавицы-блондинки Арманд всегда хватало.

Ленин не выдержал перегрузок и расстался с Арманд. Та поспешно уехала из Кракова. Крупская вздохнула с облегчением. Но Ленин не выдержал и отсутствия Арманд. Он вернул ее, обливаясь в письмах нежностью. Если бы не было Октябрьской революции, Ленин был бы разгромленным революционером-любовником. Это был бы печальный роман о сугубо индивидуальной любви (она бы его бросила, конечно). Но случилось иначе, громыхнуло на всю страну.

Вместе с Крупской и Арманд в одном купе Ленин едет в пломбированном вагоне с большими деньгами от германского генштаба навстречу русской революции. Он побеждает в схватке с противниками и становится диктатором и в первый раз смело смотрит на Арманд сверху вниз.

При этом он звонит ей из Кремля по вертушке, беспокоится о номере ее калош, наконец, встречает Новый год — только с ней, без Крупской. Полный крах семьи. А Арманд, назначенная в ЦК главой Женского отдела (главная, получается, женщина России, а Крупская всего лишь заместитель Луначарского), начинает заниматься женской революцией.

Она проводит — при поддержке Ленина — многие реформы семейной жизни. Начинается пора легких гражданских браков, никаких церемоний, когда можно расписаться сразу же и развестись немедленно, в секунду. А можно и так жить, без брака, меняя партнеров. Это полная десакрализация брака; Европа еще долгое время не отважится на такие реформы.

Кроме того, в рамках Трудового кодекса Арманд проводит закон о равных зарплатах мужчин и женщин. В сущности, она одобряет Коллонтай и Ларису Рейснер, которые (как всем известно) говорят о сексе как о стакане воды: захотелось — выпил — забыл. Но все-таки до идеи обобществления женщин, о чем шумели в местной печати владимирские коммунисты, дело не дошло. И дойти не могло. Декрет о сексе, в отличие от декретов о мире и о земле, не прошел. Да и не мог пройти. Там было много нового рабства, а не женской свободы. Все говорит о новом комсомольском ханжестве, и только требование отказаться от ревности кажется в духе того времени. Арманд была слишком умна, чтобы не заниматься очевидной дурью. Ее же основательные реформы семейной и сексуальной жизни были с трудом преодолены в сталинские годы.

Арманд до этого не дожила. Ее, реформатора русской женской доли, пианистку, блестяще игравшую для Ленина Бетховена и Шопена, случайно на тот свет отправил тот же Ленин. Ну, случайно. Он был готов на все, чтобы Инесса была рядом. Когда в 1918 году она уехала во Францию по делам русского экспедиционного корпуса и ее там арестовали, Ленин пригрозил расстрелять всю французскую миссию, оказавшуюся в Совдепии, и французы выпустили Арманд. В 1920 году она, истощенная работой, нуждалась в отдыхе, просилась снова в Париж, но бдительный Ленин уговаривал ее ехать в Норвегию или еще куда, где спокойнее. В конце концов он убедил ее ехать под крыло Орджоникидзе в Кисловодск. Она отоспалась, отъелась, но на Кисловодск напали белые, и ее вывезли на Кавказ, где — в печально всем известном теперь Беслане — Арманд заболела холерой и умерла в Нальчике.

Для ее московских похорон был сделан уникальный белый катафалк в духе модерн. Ленин с закрытыми глазами, полными слез, с Крупской, которая поддерживала его, шел, шатаясь, за гробом (они в последний раз были втроем). Похоронил он свою любовь в Кремлевской стене.

Может быть, это и были истинные похороны Серебряного века, который дал жару русской плоти? Одна Революция съела другую, и революционер-любовник, разорвав оковы отечественного брака, вскоре отправился в свой мавзолей. Но это уже был символ новой эры.